

Роберт Сальваторе Третий уровень

Forgotten Realms –

Темные глаза юноши обшаривали окрестности. Такова жизнь — всегда в движении, всегда настороже. Он заметил шевеление слева, между двумя ветхими хижинами из дерева и глины. Ребенок. Играющий ребенок, благоразумно держится в тени.

Что-то справа — женщина в глубокой нише за окном. Окно дыра в стене: никто в этом районе Калимпорта не был настолько богат, чтобы застеклить окна. Женщина стояла, не шевелясь, наблюдая за ним, не догадываясь, что и он, в свою очередь, наблюдал за ней.

Он чувствовал себя хищной кошкой, пересекающей равнину, женщина — казалась ему одним из многих оленей, надеющихся, что он ее не заметит.

Молодому Артемису Энтрери нравилось это ощущение власти. Он работал на этой улице — если можно назвать улицей это случайное скопление облезлых лачуг, разбросанных по разбитому повозками полю — более пяти лет. С тех пор как он был девятилетним мальчишкой.

Он остановился, медленно повернулся к окну, и женщина отпрянула при малейшем намеке на угрозу.

Энтрери улыбнулся и продолжил свою инспекцию. Это была его улица, думал он, место, которое он объявил своим, спустя три месяца после прибытия в Калимпорт. У места не было официального названия, но теперь, благодаря ему, оно обрело индивидуальность. Квартал — хозяином которого был Артемис Энтрери.

Какой путь прошел он за эти пять лет, добираясь на перекладных всю дорогу от Мемнона. Артемис усмехнулся выражению "всю дорогу". По правде говоря, Мемнон был ближайшим к Калимпорту городом, но в бесплодной пустыне Калимшана, даже до ближайшего города дорога была долгой и трудной.

Безо всякого сомнения дорога была трудной, но Энтрери преодолел ее и выжил, несмотря на тяжести работы, взваленной на него жестокими караванщиками. Несмотря на определенные предложения одного развратного старика, вонючего небритого тупицы, который, кажется, подумал, что девятилетний мальчик —

Артемис вытряхнул эту мысль из головы, отказываясь следовать проторенной тропинкой памяти. Он пережил дорогу и обокрал купцов на второй день по приезду, когда узнал, что они взяли его с собой лишь для того, чтобы продать в рабство.

Не стоит вспоминать ни то, что было до этого, ни путешествие из Мемнона, ни ужасы, которые выгнали его из дома. Но до сих пор его преследовали образы отца и дяди, и того развратного старика.

Боль воспоминаний уступила место ненависти, в темных глазах заблестела сталь, напряглись точеные мышцы на руках. Он смог. Остальное не в счет. Это его улица, безопасное место, где никто не смеет ему угрожать.

Артемис возобновил наблюдение за своими владениями, изучая глазами окрестности. Он видел каждое движение и каждую тень — он был хищной кошкой, выискивающей добычу, а не угрозу.

Он не мог не усмехнуться пренебрежительно, глядя на грандиозность своего «королевства». Его улица? Только потому, что ни один другой вор не озаботился взять ее себе. Артемис мог трудиться шесть дней подряд, обворовывая каждого из многочисленных пьяниц, валяющихся в грязи, в этом обнищавшем районе и, при этом, едва наскрести монет, что бы прилично поесть на седьмой день.

Все же, этого было достаточно для беспризорника. Это кормило его и поддерживало в нем гордость все эти годы. Теперь он был молодым человеком, четырнадцати лет — или

почти четырнадцать. Артемис не помнил точно дату своего рождения, помнил только, что это было перед коротким сезоном дождей, когда обстановка у него дома была не так ужасна.

И снова молодой человек вытряхнул из головы нежелательные мысли. Он решил, что ему четырнадцать; как бы в подтверждение этого он посмотрел на свое прекрасно тренированное, гибкое тело, весящее едва ли шестьдесят килограмм, но каждый дюйм которого был покрыт тугими мышцами. Ему было четырнадцать, и он был справедливо горд, потому что выжил, и преуспел. Он инспектировал свою улицу, свои владения, и его маленькая грудь вздымалась. Даже старые пьяницы боялись его, обращаясь к нему с должным уважением.

Он это заслужил, и все в этом маленьком квартале Калимпорта — города, состоящего из тысячи таких маленьких трущоб, сгрудившихся вокруг беломраморных, отделанных золотом купеческих дворцов — уважали его и боялись.

Все, кроме одного.

Новый бандит, молодой человек, вероятно тремя или четырьмя годами старше Артемиса, объявился в начале недели. Не спросив разрешения у Артемиса, он начал грабить бродяг, и даже являться в дома при свете дня и терроризировать жителей. Пришелец заставлял «подопечных» Артемиса готовить ему еду или предоставлять другие "лакомства".

Это злило Артемиса больше всего. У Артемиса не было ни любви, ни уважения к простому народу его «королевства», но он встречал людей, подобных этому бандиту и раньше — как в своем ужасном прошлом, так и в тревожных ночных кошмарах. По правде сказать, на улице двум головорезам места хватало. За пять дней, что новый бандит был тут, они с Артемисом даже ни разу не встретились. И, конечно, ни один из несчастных информаторов Артемиса не просил защиты от новой напасти. Никто из них не осмеливался даже заговорить с юношей, если он не задавал прямого вопроса.

Но оставался еще вопрос чести, и его нельзя было отбросить.

Артемис выглянул из-за угла хижины, осматривая грязную улицу. — Точно по расписанию, — прошептал он, когда пришелец показался на другом конце относительно прямой дороги. — Предсказуем, — Артемис презрительно скривил губы, предсказуемость — это слабость. Это следовало запомнить.

У бандита, как и у самого Энтрери, были темные глаза, и волосы черные как воды Кандадского Оазиса, настолько черные, что отливали всеми цветами радуги. Уроженец Калимшана, решил Артемис, вероятно, человек не сильно отличавшийся от него самого.

Какое мучительное прошлое толкнуло захватчика на его улицу? размышлял юноша. Для сочувствия не может быть места, одернул себя Артемис. Жалость приводит к смерти.

Сделав глубокий вдох, Артемис вновь сосредоточился и стал равнодушно смотреть, как пришелец повалил на землю шатающегося старика и рывком сорвал потертый кошелек несчастного. Очевидно не удовлетворившись скудным содержимым, молодой человек оторвал полусгнившую доску от ближайшей лачуги, и с размаха ударил свою жалкую жертву по лбу. Старик жалобно заскулил, но бандит ударил снова, разбив ему нос. Старик стоял на коленях, яркая кровь текла по лицу, он плакал и умолял, но получал удар за ударом, пока не уткнулся разбитым лицом в грязь, заглушившую его всхлипы.

Артемис не испытывал жалости к старому бродяге. Однако его возмущало то, что старик признал хозяином этого пришельца, который явился незванным во владения Артемиса Энтрери.

Энтрери опустил руки в карманы, нащупывая единственное оружие, которое он озаботился носить с собой — две пригоршни песка и камень с острым краем. Он вздохнул, чувствуя трепет возбуждения от предстоящей битвы, и понимая ее неизбежность. Он собрался выйти из-за угла, но помедлил, проверяя свои чувства. Он был хищной кошкой, хозяином здешних мест, и он законно защищал свои владения. Но было грустно оттого, что ничего нельзя изменить.

Где-то в глубине, загнанное, запечатанное испытанными им ужасами, жило чувство, что так не должно быть. Но осознание этого не отвратило его от предстоящей драки.

Наоборот оно еще больше разозлило его.

Животное рычание сорвалось с его губ, когда Артемис выступил из-за хибары на открытое место, прямо на пути врага.

Тот остановился, также разглядывая своего соперника. Конечно, он знал об Артемисе, точно также как тот знал о нем.

— Наконец-то, ты показался, — самоуверенно произнес пришелец. Он был крупнее стройного Артемиса, и его фигура не была отягощена лишним весом. Его плечи были накачены возрастом, большим количеством лет тяжелой жизни. Мышцы его, хотя и не были массивными, переплетались как крепкие веревки.

— Я искал тебя, — сказал он, медленно приближаясь. Его неторопливость предупредила наблюдательного Артемиса, что под напускной храбростью парень нервничал сильнее, чем хотел показать.

— Я не прятался, — ответил Артемис, — ты мог найти меня в любое время.

— С какой стати?

Артемис обдумал глупый вопрос, и пожал плечами, решив не удостаивать хвастливую реплику ответом.

— Ты знаешь, зачем я здесь, — сказал, наконец, парень, более резким тоном, что лишний раз указывало на то, что его нервы были на пределе.

— Забавно, я думал это я нашел тебя, — ответил Артемис старательно пряча озабоченность тем, что этот негодяй пришел на его улицу, с целью более важной, чем он предполагал.

— У тебя не было выбора, — твердо заявил захватчик.

Вот опять, намек на более глубокий смысл. И Артемису пришло в голову, что этот мужчина, ибо он был действительно мужчина, а не уличный беспризорник, уже должен быть выше того, что бы заявлять свои права на такую убогую территорию. Даже если он был новичком в деле, эта линия поведения не подходила взрослому бандиту. Он должен быть связан с одной из многих воровских гильдий в этом городе воров. Тогда, почему он пришел? И почему один?

Может, его вышвырнули из гильдии?

На мгновение Артемис испугался, что такой противник ему не по зубам. Его оппонент был взрослым, и, вероятно, опытным вором. Энтрери отбросил эту идею, как не здравую. Молодых выскочек не «вышвыривали» из воровских гильдий Калимпорта; они просто исчезали — и никто не задумывался об их внезапном отсутствии. Но этот соперник, очевидно, не был ребенком, в одиночку вышедшим в жизнь.

— Кто ты? — прямо спросил Артемис. И тут же пожалел о сказанном, опасаясь, что невольно открыл негодяю свою слабость. Артемис был абсолютно одинок в этом мире. Вокруг него не было никакой организации, никаких союзников, представляющих хоть какую-то ценность, и он мало понимал о том, кто действительно правит Калимпортом.

Бандит усмехнулся, и долгое время изучал своего противника. Артемис был мал, и, вероятно, быстр и опасен в драке, как и указывалось в сообщениях гильдии. Он стоял спокойно, ладони все еще в карманах потрепанных штанов, его голые смуглые руки были маленькими, но мышцы были неплохо развиты. Бандит знал, что у Артемиса нет союзников, ему сказали об этом, перед тем как послать сюда. Тем не менее, этот паренек — а в глазах опытного вора Артемис был действительно ребенком — стоял легко и казался спокойным не по годам. Но мужчину беспокоило другое.

— У тебя нет оружия? — с подозрением спросил он.

И, опять, Артемис в ответ лишь пожал плечами.

— Ну, ладно, — сказал головорез твердым тоном, как будто только что принял решение. Чтобы подчеркнуть это, он взял доску, с которой все еще капала кровь старика и, резким движением, поднял ее к плечу. Поднял, как понял Артемис, в более удобную позицию. Бандит был едва в шести метрах, когда начал движение к нему.

В этот момент Артемис понял, что за происходящим скрывается нечто большее, и

захотел выяснить правду.

Три метра.

Артемис продолжал стоять в уверенной и спокойной позе, но его мускулы напряглись.

Мужчина был не более чем в полутора метрах от него. Рука Энтрери выскочила из кармана, швырнув облачко мелкого песка.

Дубинка ушла вверх, и человек отвернул голову, смеясь.

— Пытаешься ослепить меня горсткой песка? — спросил он с издевкой. — Как умно, пустынный воин догадался использовать песок!

Конечно, это был пресловутый "старейший трюк" в толстой книге по технике коварного уличного боя любого калимшанского плута. За ним последовал второй старейший трюк, когда Артемис снова запустил руку в карман и кинул вторую горсть песка.

Бандит смеялся, уже закрывая глаза, отводя от себя атаку. Он быстро моргнул, всего на мгновение, на долю секунды. Но этого мига хватило, что бы одинаково хорошо владеющий обеими руками Артемис, извлек из кармана левую руку и метнул острый камень. У него была лишь одна возможность, миг, квадратный дюйм мишени. Он должен быть безупречен — это стало принципом жизни Артемиса, с тех пор как он был ребенком, с тех пор как он вышел в пустыню, которая не прощает малейших ошибок.

Острый камень просвистел мимо поднятой дубины и ударил бандита по шее, чуть в стороне от центра. Он рассек дыхательное горло и отклонился налево, разрезав стенку артерии, прежде чем отскочить в воздух.

— Чч...? — начал бандит, и остановился, явно удивленный любопытным присвистом, неожиданно появившимся в его голосе. Кровь фонтаном забила из гола, заливая щеку. Свободной рукой он схватился за рану, пытаясь пальцами зажать ее, остановить поток. Он еще сохранял хладнокровие, держа свою импровизированную дубину, чтобы не дать Артемису возможности подойти, хотя юноша уже убрал руки в карманы и не двигался.

Он был хорош, решил Артемис, искренне аплодируя спокойствию человека продолжающего защищаться. Он был хорош. Но Артемис был безупречен.

Поток крови почти остановился, но артерия была перерезана, а с ней и дыхательное горло.

Бандит зарычал, приближаясь. Артемис даже не шелохнулся.

Бандит внезапно остановился, широко раскрыв темные глаза. Он пытался заговорить, но лишь выплюнул яркий сгусток крови. Он попытался вдохнуть, но вновь лишь забулькал — его легкие быстро наполнялись кровью — и упал на колени.

Умирал он долго. Калимпорт был безжалостным местом. Нужно быть безупречным.

— Неплохо, — послышался голос слева.

Артемис обернулся и увидел двух человек, небрежно выходящих из узкого прохода. Он сразу понял — это были воры, вероятно, члены гильдии. Артемис был уверен, что только наиболее умелые мошенники могут подойти так близко к нему незамеченными.

Артемис поглядел на труп у своих ног, и в его голове завертелись тысячи вопросов. Тогда он понял с холодной уверенностью, что это была не случайная встреча. Бандита, которого он убил, подослали к нему.

Артемис усмехнулся, скорее, насмешливо фыркнул, и метким пинком отправил кучку грязи на лицо покойника.

Не будешь безупречен — и тебя убьют. Безупречных, как Артемис скоро выяснил, приглашают в воровскую гильдию.

* * *

Артемис с трудом привыкал к тому, что любая еда была доступна по мановению руки. Еще ему предоставили мягкую постель, но он побоялся, что такая роскошь расслабит его. Ночью он спал на полу.

Тем не менее, это было важно. Артемиса мало заботили богатства и удовольствия, но

ему было очень важно, что ему их предлагали.

Это было преимущество членства в Кликке Бассадони, одной из наиболее влиятельных воровских гильдий города. На самом деле преимуществ было много, но для такого независимого молодого человека, как Артемис Энтрери, недостатков было не меньше.

Лейтенант Тиблис Роюзет, которого паша Бассадони назначил персональным наставником Энтрери, был одним из них. Он олицетворял тех людей, к которым Энтрери испытывал отвращение: обжора и лентяй. Его тяжелые веки, вечно слипались. Его зловонные коричневые волосы, выходящие от природы, были слишком сальными и грязными, чтобы торчать. На его рубаше всегда виднелись остатки последних четырех обедов. Тиблис ничего не делал быстро, кроме одного движения, которым он отправлял последнюю пригоршню еды в свои чавкающие челюсти, но в интеллектуальном плане мужик был проницателен и опасен.

А еще он был садистом. Несмотря на явные физические ограничения, Тиблис занимал второе, после паши Бассадони, место в иерархии гильдии, вместе с полудюжиной других лейтенантов.

Артемис ненавидел его. Тиблис раньше был торговцем, и, как многие другие поставщики Калимпорта, нажил себе неприятности с городской стажей. Тогда Тиблис использовал свое богатство, чтобы купить себе место в гильдии и уйти в подполье, избежав, таким образом, ужасных тюрем Калимпорта. Видно, это богатство было немаленькое, чтобы паша Бассадони принял этого опасного слизняка в гильдию, не говоря уже о том, что бы назначить его лейтенантом.

Артемис был достаточно сообразителен, чтобы понять, что Бассадони выбрал садиста Тиблиса, его персональным наставником, для настоящей проверки верности новой "семье".

Тяжелейшей проверки, осознал Артемис. Он стоял, облокотившись на обтесанную каменную стену комнаты в подвале гильдии, скрестив руки на груди, и нетерпеливо постукивая пальцами в толстых перчатках. Чем дальше, тем сильнее он скучал по своей улице, скучал по тем дням, когда он ни слушался никого, кроме себя, и своих инстинктов выживания. Те дни закончил хорошо нацеленный бросок острого камня.

— Ну? — снова напомнил Тиблис, опять пришедший с неожиданной проверкой. Он извлек что-то довольно большое из своего широкого плоского носа. Как и все остальное, что попадало в его пухлые, похожие на детские, ручонки, это быстро отправилось в рот.

Артемис не пошевелился. Он перевел глаза с Тиблиса на пятидесятилитровый стеклянный ящик на другом конце плохо освещенной комнаты. Эта комната находилась почти на десять метров под землей, но она была сухой и пыльной.

Покачиваясь на каждом шагу, толстый лейтенант подошел к ящику. Артемис послушно последовал за ним, но только после быстрого кивка мошеннику, сторожившему дверь, тому самому вору, что встретил Артемиса на улице после убийства бандита. Этот человек по имени Танцор был другим слугой Тиблиса, и одним из многих приятелей, которых молодой Артемис завел, попав в гильдию. Танцор кивнул в ответ и выскользнул из комнаты.

Он мне доверяет, подумал Артемис. За это он считал Танцора дураком.

Артемис поравнялся с Тиблисом возле ящика. Толстяк внимательно смотрел на маленьких оранжевых змей, сплетающихся внутри.

— Прекрасные, — сказал Тиблис. — Такие гибкие и изящные, — он посмотрел на Артемиса из-под набрякших век.

Артемис не мог с ним не согласиться. Это были Тесальские гадюки, смертоносные «Два-Шага». Если такая укусит, человек завопит, пройдет два шага и упадет замертво. Действенно. Прекрасно.

Доить яд из ужасных гадюк, даже в толстых перчатках, было незавидным заданием. Но, похоже, у гнусного Тиблиса Роюзета был пункт — никогда не давать Артемису простых поручений.

Тиблис долго глядел на движение змей, потом снова взглянул вправо. Он с трудом подавил свое удивление, когда понял, что Артемис неслышно обошел вокруг него к

дальнему концу комнаты. Он повернулся к молодому мошеннику и, скривившись, тихо хохотнул, этот пущенный свысока смешок остро напомнил Артемису, что он здесь всего лишь подчиненный.

И в этот момент Тиблис увидел вращающийся столик, частично скрытый ширмой. Удивление на мгновение отразилось на его заплывшем лице, потом он одернул себя и успокоился.

— Твоих рук дело? — спросил он, приближаясь к ширме, указывая на маленький круглый стол со стеклянной столешницей, с каждой стороны которого было по большому рычагу.

Артемис медленно повернулся и посмотрел через плечо на Тиблиса, но не удосужился ответить. Артемис был сборщиком яда. Естественно стол был "его рук делом". Кто еще, кроме его жирного начальника, захочет приходить в эту комнату?

— Ты нашел много союзников среди низших членов гильдии, — заметил Тиблис. Из всего, что Артемис от него слышал, это наиболее походило на похвалу. На самом деле Тиблис действительно был под впечатлением. Это было прямо-таки героической ловкостью со стороны новичка, что бы передвинуть имеющий дурную репутацию вращающийся столик в удобное, тихое место. Но, немного поразмыслив, Тиблис не особо удивился. Этот обаятельный юноша, обладал характером, внушавшим уважение головорезам гораздо старше него.

Да, Тиблис знал, что Артемис Энтрери не был обычным малолетним карманником. Он может стать великим вором, одним из самых лучших. Он может принести Клику Бассадони огромную выгоду. Или может причинить серьезные неприятности.

Не оборачиваясь, Артемис перешел комнату и сел на одно из двух кресел, поставленных с противоположных сторон вращающегося стола.

Конечно, это не было полной неожиданностью. Тиблис пережил несколько подобных сцен с юнцами, проходившими у него жестокое обучение. Более того, молодой Артемис уже, несомненно, знал, что это Тиблис послал в трущобы бандита, который бросил вызов подростку. Тиблис догадывался, что Танцор уже рассказал Энтрери об этом. Он сделал себе заметку поговорить с Танцором, когда закончит с Энтрери. Тихо посмеиваясь, толстяк прошелся по комнате и встал возле сидящего воришки. Он увидел, что четыре стакана, стоящих в равномерных углублениях по периметру стола, были до половины налиты прозрачной водой. В центре стола стоял пузырек из-под яда.

— Надеюсь, ты понимаешь, что я близкий друг паши Бассадони, — сказал Тиблис.

Я понимаю, что если ты сядешь в это кресло, ты добровольно примешь вызов, — ответил Артемис. Он протянул руку и убрал пузырек. По четким правилам состязания, на столе не должно быть ничего лишнего, только четыре стакана.

Тиблис затрясся от смеха, но Артемис ничего другого и не ожидал. Артемис знал, что у него нет права на такой вызов. Но он испытал некоторое облегчение, когда Тиблис похлопал его по плечу и начал обходить стол. Толстый лейтенант остановился и, как будто что-то заметив, внимательно посмотрел в каждый стакан.

Он блефует, убеждал себя Артемис. Яд Тесальской гадюки был абсолютно прозрачен, как вода.

— Ты налил достаточно? — абсолютно спокойно спросил Тиблис.

Артемис не пошевелился. Он знал, так же как и толстый лейтенант, что было достаточно одной капли.

— И ты отравил только один стакан? — задал Тиблис еще один риторический вопрос, потому что правила этого состязания были четко определены

Тиблис сел в предложенное кресло, по-видимому, принимая вызов. Спокойствие Артемиса чуть не дало трещину, и он едва сдержал вздох облегчения. Лейтенант мог отказаться, он мог приказать выволочь Артемиса из зала и выпотрошить его за одну только мысль о том, что он достоин бросить вызов вышестоящему члену гильдии. Но Артемис подозревал, что жестокий Тиблис не пойдет таким простым путем. Тиблис ненавидел его так

же сильно, как и он ненавидел Тиблиса, и он делал все что мог, чтобы подпитывать эту ненависть в течение последних нескольких недель.

— Только один? — опять спросил Тиблис.

— А это имеет значение? — ответил Артемис, полагая себя умным. — Один, два или три отравленных напитка — мы рискуем одинаково.

Лицо толстого лейтенанта приняло кислое выражение.

— Это Стол Четвертей, — сказал он снисходительно. — Четверть. Одна четвертая. Это правило. Когда столешница раскрутится у каждого из нас есть один шанс из четырех глотнуть отравленного питья. И по правилам может быть отравлен только один стакан, и только один из участников может умереть.

Отравлен только один, — подтвердил Артемис.

— Это яд Тесальской гадюки, и только он? -

Артемис кивнул. Такому настороженному сопернику, как молодой плут, заданный вопрос мгновенно раскрыл тот факт, что Тиблис не боится этой отравы. Конечно, он не боялся.

Тиблис кивнул в ответ и сделал серьезное лицо.

— Ты уверен в том, что делаешь? — голосом, полным торжественной важности, спросил он.

Артемис не упустил из виду скрытый смысл слов опытного убийцы. Тиблис претворялся, что хочет дать ему возможность передумать, но это была всего лишь уловка. И Артемис стал подыгрывать. Он нервно огляделся, а на его лбу показались капли пота.

— Может быть... — начал он осторожно, делая вид, что не уверен в себе.

— Да? — подсказал Тиблис после долгой паузы.

Артемис начал вставать, как если бы он действительно передумал бросать такой вызов. Тиблис остановил его резким словом. Выражение удивления на юном и таком хрупком лице Артемиса казалось искренним.

— Вызов принят, — зарычал лейтенант. — Ты не имеешь права передумать. -

Артемис упал в кресло, схватил край стола и сильно рванул. Столешница, как рулетка, тихо и плавно завертелась на центральной оси. Артемис взялся за длинный рычаг у своего бока, один из тормозов стола, и Тиблис, самодовольно улыбаясь, сделал то же самое.

В этой игре нервов, Тиблис, сцепившись взглядами с Артемисом, в первый раз, начал подозревать всю опасность своего юного противника. В этот момент Тиблис оценил чистейшее коварство безжалостного Артемиса Энтрери. Но он не боялся, не расслабился, и заметил легкое движение глаз Артемиса, указывавшее на то, что юноша следил за вертящимися стаканами более внимательно, чем хотел показать.

Артемис поймал незначительное мерцание, неуловимую вспышку, отблеск с поверхности стола, затем вторую. Задолго до того как Тиблис навестил его, он слегка поцарапал край одного из стаканов. После этого Артемис старательно выровнял стол и свое сидение. С каждым вращением крохотная насечка на стакане отражала мерцание факела горящего в ближайшем канделябре — но только для его глаз.

Артемис тихо считал время пролетающее между вспышками, оценивая скорость движения стола.

— Почему ты так рискуешь? — спросил настороженный Тиблис, пытаясь сломить концентрацию юноши. — Неужели ты так меня возненавидел за несколько коротких недель?

— За несколько долгих месяцев, — поправил Артемис. — Но вообще-то еще раньше. Моя драка на улице не была случайностью. Это была подстава, проверка, между мною и человеком, которого я должен был убить. И это устроил ты. -

То, как Артемис описал своего противника "человек, которого я должен был убить", указало Тиблису на мотивацию юноши. Незнакомец на пыльной улице, скорее всего, был первой жертвой Артемиса Энтрери. Лейтенант улыбнулся про себя. Некоторые слабаки находят, что убийство трудно принять. Либо первое убийство, либо неизбежная дорога, на которую оно привело молодого человека, не нравились Энтрери.

— Мне нужно было узнать чего ты стоишь, — сказал Тиблис, признавая свое участие. Но Артемис уже не слушал его. Молодой мошенник снова погрузился в трудно уловимое наблюдение за вертящимися стаканами.

Тиблис отпустил свой тормоз, заметно замедляя вращение. Ось была хорошо смазана — некоторые даже утверждали, что не обошлось без магии — столешнице не нужно было сильного толчка, что бы продолжать вертеться.

Артемис не выказал ни малейшего беспокойства от внезапного изменения скорости. Он оставался полностью сосредоточен и снова начал считать. Помеченный стакан отблескивал точно на одну восьмую окружности от кресла Тиблиса. Артемис настроился на ритм, что бы каждый полный поворот происходил на счет восемь.

Он увидел вспышку, сосчитал до девяти и резко потянул тормоз. Столешница резко остановилась, жидкость в стаканах заплескалась, капли разбрызгались по столу и по полу.

Тиблис уставился на стакан перед собой. Он подумал, что надо указать молодому воришке на то, что он не понимает должного протокола вращающегося стола, ибо предполагалось, что тормозить надо медленно, по очереди, и окончательная остановка делается вызванной стороной. Толстый лейтенант решил не делать из этого проблемы. Он знал, что его провели, но не волновался. Он ожидал этого вызова уже почти десять дней, и у него в крови было достаточно противоядия, что бы противостоять яду сотни Тесальских гадюк. Он поднял свой стакан. Артемис сделал то же, и вдвоем они сделали по большому глотку.

Прошло пять секунд. Десять.

— Что ж, — начал Тиблис, — похоже, что никто из нас не нашел сегодня смертельную четверть. — Он вытащил свою огромную тушу из кресла, — Конечно, о твоей наглости будет полностью рассказано паше Бассадони.

Лицо Артемиса ничего не выражало. Он не дрогнул. Тиблис подумал, что молодой мошенник скрывает свое удивление, или, что он кипит от злости, или пытается вычислить, как ему избежать этого неожиданного бедствия. Секунды бежали, и спокойствие юноши начинало нервировать толстого лейтенанта.

— Ты получил одну попытку, — неожиданно громко огрызнулся Тиблис, — Я жив и таким образом ты проиграл. Готовься дорого заплатить за свою дерзость.

Артемис не пошевелился.

“Весьма неплохо, для юного выскочки”, подумал Тиблис прищелкнув пальцами. Уходя, он стал обдумывать множество способов наказать мальчишку.

Как восхитительна будет эта пытка, и на этот раз Бассадони не сможет его остановить. Глава гильдии, который по оценке Тиблиса, сделался к старости слишком мягким, много раз вмешивался, защищая Энтрери, и останавливая Тиблиса, когда узнавал, что толстый лейтенант планирует жестокое наказание для молодого новичка. Но только не на этот раз. В этот раз Бассадони не сможет вмешаться. На этот раз Энтрери точно заслужил наказание.

Первое куда направился Тиблис, придя в свои роскошные апартаменты, это набитый доверху буфет. Известно, что сыворотка от яда Тесальской гадюки, вызывает сильный голод после его принятия, а Тиблиса никогда не нужно было уговаривать поесть. Он извлек двухслойный пирог, огромную, посыпанную сахаром выпечку, украшенную самыми сладкими фруктами.

Он взял нож, что бы отрезать кусочек, но пожал плечами и решил съесть пирог целиком. Обоими руками он потянул пирог ко рту.

— Сообразительный парнишка, — поздравил Тиблис своего подопечного, возвращая пирог на стол. — Хитрость внутри хитрости, притворство внутри притворства! Конечно, ты знал эффект противогадючьей сыворотки. Конечно, ты знал, что я сразу побегу к своему буфету! И у тебя было время, не так ли, Артемис Энтрери? Умный паренек!

Тиблис посмотрел в окно, и уже собрался выкинуть пирог на улицу. Пусть бездомные бродяги найдут ошметки и съедят, и все попадают замертво! Но пирог был великолепен. Он не мог его выбросить, и он был так голоден.

Вместо этого он прошел в глубь комнаты к своему бюро. Он тщательно отпер защищенный ловушкой ящик, проверил восковую печать, чтобы убедиться, что никто не лазил сюда до него, что Артемис не испортил его запасы. Удостоверившись в этом, Тиблис открыл секретное отделение в дне ящика и извлек оттуда очень ценный флакон. В нем была янтарного цвета жидкость, магическое снадобье, которое нейтрализует любой яд, принятый человеком. Тиблис посмотрел обратно на пирог. Был ли Артемис так умен, как казалось Тиблису? Понимал ли молодой мошенник концепцию хитрости внутри хитрости?

Тиблис вздохнул и подумал, что Артемис мог оказаться настолько сообразительным. Флакон с универсальным противоядием стоил очень дорого, но пирог выглядел так аппетитно!

— Я заставлю Артемиса Энтрери заплатить за другой флакон, — решил оголодавший лейтенант, проглатывая противоядие. Он протопал по комнате и откусил маленький кусочек от края пирога, пробуя на вкус. Пирог был действительно отравлен. Опытный Тиблис сразу догадался об этом по едва заметному кислому привкусу.

Лейтенант знал, что противоядие с этим справится, не позволит юному выскочке провести его с такой прекрасной едой. Он потер свои пухлые ручки и взял пирог. Он давился, заглатывая огромные куски, вылизывая серебряную тарелку.

Той же ночью Тиблис умер страшной смертью. Он проснулся в страшной агонии. Его внутренности горели огнем. Он пытался позвать на помощь, но захлебнулся кровью.

Слуга нашел его на следующее утро, со ртом полным свернувшейся крови, подушка была в коричневатых пятнах, живот был покрыт воспаленными синими рубцами. Многие в гильдии слышали от Танцора про брошенный вчера вызов, и, таким образом, вывод о причастности молодого Артемиса Энтрери напрашивался сам собой.

Молодого ассассина поймали на улицах Калимпорта только через десять дней, но он заставил побегать всю разветвленную шпионскую сеть могущественной гильдии паши Бассадони. Он был скорее спокоен, нежели напуган, когда два дородных убийцы раздраженно вели его обратно в здание гильдии.

Артемис верил, что Бассадони накажет его, может быть даже убьет, но знание того, что Тиблис Роюзет умер в муках, этого стоило.

Он никогда раньше не бывал в верхних палатах гильдии, никогда не мог представить какие богатства находятся там. Прекрасные женщины, сверкающие драгоценностями, бродили по комнатам. Огромные мягкие лежа и разбросанные везде горы подушек, и, за каждой третьей аркой — ванны с теплой надушенной водой.

Весь этот этаж был местом, посвященным всевозможным наслаждениям. И все же Артемису оно казалось скорее опасным, чем соблазнительным. Его целью была безупречность, а не удовольствие. Это место делало человека мягким.

Он был несколько удивлен, когда, наконец, оказался перед пашой Бассадони. Артемис первый раз по настоящему встретился с ним. Маленький кабинет Бассадони был единственной на этом этаже комнатой, не захваченной комфортом. Немного простой мебели — деревянный стол и три незамысловатых стула.

Паша соответствовал своему кабинету. Он был миниатюрным человеком, старым, но полным достоинства, скромно и не броско одетым, седые волосы тщательно уложены. Его взгляд, как и его осанка, были идеально прямыми.

Почти сразу Артемис понял, что этого человека нужно уважать, даже бояться. Смотря на пашу, Артемис в который раз задался вопросом, как не к месту был здесь такой слизень как Тиблис Роюзет. Энтрери догадался, что Бассадони должно быть глубоко ненавидел Тиблиса. Эта идея подарила ему надежду.

— Так ты признаешь, что сжульничал за Столом Четвертей? — спросил Бассадони, специально затянув паузу, после того как изучил Артемиса также внимательно, как и тот изучал его.

— Разве это не часть состязания, — быстро нашелся Артемис.
Бассадони хихикнул и кивнул.

— Тиблис ожидал, что я буду жульничать, — продолжал Артемис. — Флакон из-под универсального противоядия был найден в его комнате.

— А ты его испортил?

— Нет, — честно ответил Артемис. Озадаченное выражение лица Бассадони побудило молодого плута продолжать.

— Противоядие сработало, как и предполагалось, и пирог был действительно отравлен, — признал Артемис.

— Но... — проговорил Бассадони.

— Но ни одно противоядие в Калимшане не защитит от толченого стекла.

Бассадони покачал головой.

— Хитрость на хитрость внутри хитрости, — сказал он. — Притворство на притворстве внутри притворства. — Он с любопытством поглядел на умного парня. — Тиблис был способен мыслить до третьего уровня обмана, — рассудил он.

— Но он не верил, что я могу, — быстро отпарировал Артемис. — Он недооценил своего противника.

— И, таким образом, заслужил смерть, — после небольшой паузы подвел итог Бассадони.

— Вызов был принят добровольно, — быстро заметил Артемис, напоминая старому паше, что любое наказание по законам гильдии будет несправедливо.

Бассадони откинулся на стуле, постукивая кончиками пальцев друг о друга. Он смотрел на Артемиса долго и внимательно. Молодой ассассин рассуждал достойно. Но он уже почти приказал убить Артемиса, ясно видя жестокость и абсолютное отсутствие сострадания в его черном сердце. Он понимал, что никогда не сможет полностью доверять Артемису Энтрери, но также он понимал, что молодой Артемис вряд ли обернется против него, старика и потенциально ценного учителя, если только он сам не вынудит его. Бассадони также знал насколько ценным имуществом является такой умный и хладнокровный убийца, каким может стать Артемис Энтрери — особенно когда еще пять честлюбивых лейтенантов дерутся за место главы гильдии, в надежде что он скоро умрет.

“Возможно, я, все же, переживу этих пятерых”, с легкой улыбкой подумал паша. Артемису же он сказал — Я не буду тебя наказывать —

Артемис не выдал своих эмоций.

— Ты действительно хладнокровный негодяй, — продолжил Бассадони, не удержав улыбки, с искренней симпатией в голосе. — Теперь оставь меня, Лейтенант Энтрери. — он махнул старческой рукой, как будто все происходящее ему наскучило.

Артемис собрался уйти, но остановился и оглянулся, только сейчас понимая значение того, как обратился к нему Бассадони.

Два дюжих охранника по бокам от новоиспеченного лейтенанта тоже это поняли. Один из них обеспокоено ошетинился, уставившись на молодого человека. Лейтенант Артемис Энтрери? казалось недоверчиво спрашивало суровое выражение его лица. Мальчишка, в половину его ростом, попавший в гильдию всего несколько месяцев назад. Ему же всего четырнадцать лет!

— Наверное, первой моей обязанностью будет проследить за продолжением твоего обучения, — сказал Артемис, холодно смотря в лицо качка. — Ты должен научиться лучше скрывать свои чувства.

Момент злости сменился у человека откровенным ужасом, когда он, в свою очередь, посмотрел в эти бессердечные расчетливые темные глаза, глаза слишком полные зла для того юного возраста, в котором находился Артемис Энтрери.

* * *

Ближе к вечеру Артемис Энтрери, вышел из здания гильдии Бассадони, чтобы совершить короткое путешествие, которого он долго ждал. Он вернулся на свою улицу, на

территорию, которую он выкроил среди нищеты Калимпорта. Пыльный оранжевый закат отмечал конец еще одного жаркого дня, когда Артемис повернул за угол и ступил на то же место, что и его жертва, тот бандит, которого Артемис вынужден был убить.

Артемис покачал головой, чувствуя себя полностью подавленным. Он выжил на этих улицах, пережил вызов, брошенный ему Тиблисом Роюзетом, и свой ответный вызов ему. Он выжил и преуспел, и стал полноправным лейтенантом в Клике Бассадони.

Медленно Артемис прогуливался по грязной дороге, скользя взглядом справа налево и обратно, как он делал когда-то, когда был здесь хозяином. Когда это были его улицы, когда жизнь была проста. Теперь его путь простирался перед ним, среди таких же вероломных людей, как и он. И всегда с этих пор он должен будет ходить, повернувшись спиной к стене — твердой стене, которую он уже проверил на наличие смертельных ловушек и секретных проходов.

Все это произошло так быстро, в течение всего нескольких месяцев. От уличного босняка до лейтенанта Клики Бассадони, одной из самых могущественных воровских гильдий Калимпорта.

И все же, смотря на дорогу, что привела его из Мемнона в Калимпорт, из его грязного переулочка в отделанные полированным мрамором покои воровской гильдии, Артемис Энтрери начал задумываться, не было ли это превращение куда менее чудесным. Ничто не случается так быстро, он шел к этому, казалось бы волшебному превращению, годами оттачивая свои уличные навыки, годами бросая вызов и побеждая жестоких людей, таких как Тиблис, старый развратник в караване или отец...

Шум со стороны привлек внимание Артемиса к боковой улочке, где шумно бегала стайка мальчишек. Половина чумазой толпы перебрасывала друг другу маленький камешек, в то время как другая половина пыталась его отобрать.

Артемис Энтрери испытал настоящий шок, когда осознал, что эти дети — его ровесники, а возможно даже немного старше. Это причинило боль.

Мальчишки вскоре скрылись за следующей хибарой, смеясь и крича, оставляя за собой облако пыли. Артемис выбросил их из головы, подводя итог, снова думая о том, чего он добился, и какие высоты славы и власти лежат перед ним. В конце концов, он купил себе право на такие темные мечты, ценою своей юности и невинности — тех ценностей, которых он не понимал, пока не растратил.